

ТУМАН
ЦВЕТА
ХВОИ

Анна Блэр

18+

Анна Блэр

Туман цвета хвои

«Автор»

2026

Блэр А.

Туман цвета хвои / А. Блэр — «Автор», 2026

В небольшом поселении среди фьордов проходила жизнь размеренно и спокойно. Ни шторм, ни мороз не могли разрушить привычный жизненный уклад. Так было до дня, когда пропала Сана. Казалось, что она без следа растворилась в тумане, однако ее сестра уверена, что за исчезновением скрывается глубокая и темная тайна, окутавшая всю деревню.

© Блэр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1. Кролик	7
2. Люпины	11
3. Овцы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Туман цвета хвои

Пролог

– У тебя когда-то бывало такое, что во снах ты видишь свою прошлую жизнь? – шепотом спросила Сана, глядя хлопковую простынь. – Жизнь, где ты носишь другое имя, живешь не в своем мире, а все вокруг такое чудное и непостижимо необыкновенное?

Астрид повернулась набок и сильнее натянула пуховое одеяло, чтобы скрыться от кусающего босые ноги ночного мороза. Вопрос сестры повис в звенящей тишине.

– Сны бывают причудливыми. Это наше сознание бродит по другим мирам, – повторила она то, что не раз говорила мама. – Они насылают морок и хотят увести твою душу, забрать ее из тела. Нельзя им поддаваться.

– Но эти сны... Они такие правдивые. Правдивее нашей с тобой жизни.

– В твоих снах есть я?

– Нет, – стыдливо призналась Сана. – В них нет ни тебя, ни мамы, ни папы. Нет даже нашего дома. Все иное.

– Видишь? Значит, это злые сны.

Астрид вытянула руку, разрезая мглу. На коже она тут же почувствовала легкое касание холодных пальцев сестры. Астрид крепче сжала ладонь и прикрыла глаза.

– Как может быть хорошим мир, где мы не вдвоем? – улыбнулась девушка.

– Наверное, ты права...

– Давай ляжем спать, завтра нужно успеть к жрецам на рассвете. Мама не простит, если мы снова проспим.

Сана недовольно отпустила руку сестры и развернулась на другой бок, утыкаясь носом в деревянную стену сруба. Запах дерева успокаивал ее, будто убаюкивал, обволакивая теплее и нежнее материнских объятий. Девушка не могла выбросить из головы все эти мысли, что роem злых воронов набрасывались с наступлением ночи, однако пугать младшую не хотелось.

Украдкой Сана выглянула за окно, прикрытое тонким тюлем. По неровной дорожке лениво бродили дежурные, освещавшие дворики светом факелов. Они сторожили жителей каждую ночь, чтобы дикие животные или враги не застали их врасплох. И впервые за долгие годы живот девушки скрутило от страха.

– Астрид! – позвала она сестру.

– Что такое? – недовольно пробормотала она сквозь пелену сна.

– А что за деревней?

– Океан, скалы... Чайки. Помет. Лес... – начала перечислять она. – К чему такие странные вопросы? У тебя жар? Лихорадит?

– Нет... Мы ведь никогда не заходили далеко. Дальше опушки у Хрустального озера, – задумчиво говорила Сана, распутывая свои светлые волосы.

– Озеро не переплыть. Оно слишком большое, другого берега почти не видно.

– Жнецы переплывают, – пробормотала Сана.

– Мы не жнецы, – тихо засмеялась Астрид. – Слава богам...

– И тебе совсем никогда не было интересно, что там, за границей?

– Было... – задумчиво ответила девушка, переворачиваясь на спину.

Кромешная мгла затянула потолок подобно тяжелым грозовым тучам, нависшим над головами. В темноте таилась угроза, опасность, невидимая для глаз. Поэтому в новолуние все жители деревень плотнее закрывали ставни, подсовывая ветошь в крошечные щели меж окон, ведь пока ты не видишь монстра, он не способен причинить вред, околдовать. В такие долгие холодные ночи жители молились, уперев колени в жесткие доски у домашних алтарей, моли-

лись, хоть знали, что боги дремлют и не внемлют их судорожным просьбам позволить дожить до нового дня.

– Ладно... Давай спать, – расстроено проговорила Сана. – И, Астрид... Я тебя люблю.

– И я тебя, – буднично ответила девушка, переворачиваясь набок.

Она еще не знала, что будет вспоминать этот сумбурный ночной разговор каждый день, сиюсья найти хоть единую зацепку.

Она еще не знала, что на утро кровать Саны окажется пуста.

1. Кролик

Две недели спустя

Вязкая кровь налипала на тонкие бледные пальцы, капала на промерзшую землю, покрытую рассветной росой. У корней почерневшего от ударов молнии дерева лежала туша оленя – еще пару минут назад он истошно закричал в последний раз, а потом его артерию пронзил ритуальный нож. Астрид неотрывно глядела в черные остекленевшие глаза бедного животного, затем опустилась на колени, макнула два пальца в струйку крови и провела ими по лицу, оставляя багряные неровные полосы. В ее светлых волосах запутались сосновые иглы, пропитанные смолой. Голова гудела от монотонного гула сотен голосов, слившихся в единой песне, заглушаемой глухим боем барабанов. На капище этим утром было особенно мрачно и жутко.

Астрид отпевала свою сестру.

Сану.

Ее тело так и не нашли, но с началом нового лунного цикла богами велено оставлять все ушедшее. Так и поступили жители деревни – они прекратили поиски и сочли, что Сана погибла, что ее смерть – часть божественного замысла.

По лицу Астрид бежали слезы – они смешивались с грязью и кровью, бежали по тонкой шее прямо за ворот хлопкового платья.

В центр капища вышел жрец. Они всегда скрывали свои лица под масками-черепами, однако Астрид знала, что то был старейшина Отар – он был невысок и всегда носил череп волка. Он медленно поднял руки, покрытые дутыми выпирающими венами, и гул прекратился. Все жители, сидевший в кругу на коленях, смолкли и покорно опустили головы.

– Пойди сюда, дитя, – произнес он, глядя на Астрид.

Она знала, что сейчас будет. Тошнота уже подкатывала к горлу, но она встала на дрожащие ноги и подошла ближе, встала прямо над телом оленя. Отар положил руку на голову девушке и зашептал слова, известные лишь ему и богам. То были глухие просьбы и молитвы, которые никогда не найдут адресата. Астрид знала, что они были тщетны. Знала, потому что всю прошлую неделю сбивала колени в бесконечных раболепных просьбах вернуть ей ее сестру. Знала, что пролила немало слез и крови. Знала, что все это было тщетно.

– Готова ли ты принести жертву? – спросил Отар.

Что можно предложить богам, которые отнимают все самое дорогое? Астрид не знала. Она знала только то, что деревня хочет от нее сейчас.

– Готова.

Отар кивнул и отошел в сторону, уступая место другому жрецу. На миг Астрид оторопела. Она не видела его раньше, совершенно точно не видела. Девушка не могла ошибиться. Она была уверена, что все жрецы достаточно стары, чтобы вены на их руках выпирали, а возраст прибил некогда мощные тела к земле. Этот же казался иным. Кожа на руках, выглядывавших из широких рукавов темной мантии, была совсем молодой и светлой, а ростом он казался на голову выше остальных.

На мгновение Астрид, погруженная в свои странные наблюдения, отвлеклась и совсем забыла, где находится. На негнущихся ногах она прошла вперед и повернулась к жителям деревни, ощущая присутствие нового жреца за спиной. В нос ударил противоречивый запах: смесь железа и солоноватой крови, а вместе с ним мед с молоком.

Тошнило.

Астрид стояла спиной к туше оленя, но слышала звук ножа, вонзающегося в плоть, слышала плески и звук лезвия, натыкающегося на кость. Наконец жрец протянул девушке чашу, наполненную до краев багряной жидкостью. Астрид взглянула на ее поверхность, где отража-

лось ее осунувшееся изможденное лицо. Круги под светло-голубыми глазами казались почти черными, на бледной коже выступали мелкие синяки.

Жители начали медленно хлопать ладонями по коленям. Астрид на миг оторвала взгляд от чаши и подняла глаза вверх. Вдруг если она не будет видеть кровь убитого оленя, ей будет легче закончить все?

Она смотрела на серое небо, которое царапали верхушки елей. Смотрела на одинокого черного ворона, ждущего окончания ритуала, чтобы полакомиться падалью. Смотрела на слабые лучи солнца, которые, казалось, никогда не достигали деревни.

А ее губ коснулась соленая кровь.

Астрид бежала сквозь лес, не чувствуя ног. Туман клубился у земли, цеплялся за щиколотки липкими клочьями, корни деревьев – такие узловатые и кривые – хватались за стопы. Тропа петляла между деревьями, спускалась к низине, где воздух становился влажнее, холоднее. Запах прелой листвы и стоячей воды ударил в ноздри раньше, чем показалась водная гладь.

Хрустальное озеро.

Озеро лежало перед ней застывшее, словно лес задержал дыхание. Но под этой неподвижностью пряталась жизнь. На мелководье водоросли казались изумрудными облаками, мягкими и пушистыми, но стоило углубиться взглядом, и они превращались в извилистые сети, тянущиеся к самому дну. Астрид всегда находила в этом нечто странно красивое. Они были похожи на волосы самой земли, которые вода расчесывала в своем вечном движении. На свету некоторые из них отливали золотом, а другие – глубоким изумрудным оттенком, таким насыщенным, что он казался почти черным. Водоросли обвивали камни, словно древние украшения, забытые и спрятанные на дне.

В глубине вода темнела, и движения водорослей становились медленными, величественными, будто они подчинялись законам какого-то иного мира. Астрид всегда казалось, что они что-то знают. Как будто, если долго смотреть, можно услышать их шепот, увидеть образы в их движениях.

Она упала на колени, погрузила пальцы в вязкую грязь. Живот свело судорогой, горло обожгло горечью, и на камни вылилась бордово-коричневая рвота. Астрид закашлялась, завалялась на бок рядом с лужей собственной рвоты. Спазм накатиł снова. Она едва успела отвернуться.

С губ срывались прерывистые всхлипы, тело дрожало, слезы текли, смешиваясь с грязью на щеках. Трясущимися пальцами Астрид вытерла лицо, но подняться не было сил. Она подтянула колени к груди, свернулась, пытаясь унять дрожь. Отогнать дурные мысли. Не думать вовсе. Но взгляд сам собой вернулся к луже у камней. Бордово-коричневая жижа. В ней плавали белесые хлопья рыбы, разваренные зерна ячменя, темные сгустки – то ли кровь оленя, то ли ее собственная. В нос бил запах соли и прогорклого жира. Вчерашняя каша с сушеной треской. Астрид отвернулась и зажмурилась.

Астрид запустила пальцы в волосы и потянула – сильно, до рези в коже черепа. Боль. Острая, чистая, отрезвляющая. Она вцепилась в тонкую прядь у виска и рванула. Волоски хрустнули, оторвались. Прядь осталась в пальцах – светлая, спутанная, будто бы уже чужая.

Астрид медленно повернула голову вперед, к озеру. Вода казалась такой манящей, будто шепотом звала к себе, в свои шелковые объятия. Девушка подтянулась на руках и проползла вперед, а затем рывком поднялась на колени. Мир опасно накренился, но она осталась стоять на четвереньках. Что-то тянуло ее вперед. Сердце колотилось где-то в горле, пульсировало в висках.

Впереди она видела камень, на котором любила сидеть Сана.

Наконец Астрид поднялась на ноги. Дрожащими пальцами она развязала петельку своей нарядной белой накидки из овчины и отбросила одежду вниз, к ногам. Она скинула со стоп обувь и наконец очистилась, осталась в одной белоснежной льнянке.

Она сделала шаг в воду. Холод обжег ступни, пробрался под юбку, заставил вздрогнуть. Но она не остановилась. Еще шаг. Еще один. Вода поднималась – до щиколоток, до колен, до бедер. Дно было илистым, скользким, ноги проваливались в мягкую жижу, что засасывала, не желая отпускать. Астрид шла, раздвигая руками воду, чувствуя, как холод забирается все выше, сковывает мышцы. Еще несколько шагов. Вода дошла до груди, сдавила ребра ледяными пальцами. Астрид медленно согнула колени, опускаясь все ниже и ниже. Когда вода лизнула кончик носа, она инстинктивно набрала полные легкие, будто прощалась.

Рывком Астрид погрузилась под воду. Темнота накрыла мгновенно. Холод впился в череп, сдавил виски. Глаза открылись, но видеть было почти невозможно – вода мутная, взвесь ила и гниющих листьев застилала все. Астрид гребла руками, опускаясь ниже, пока пальцы не наткнулись на дно. Такое мягкое, вязкое, неприятное. Легкие начали гореть. Воздуха не хватало. Астрид всплыла, жадно хватая ртом кислород.

Она недовольно мотнула головой и тут же нырнула вновь. На сей раз она проплыла к самому дну и выпустила весь воздух из легких. Причудливыми перламутровыми пузырями он поднимался вверх, к свету. Астрид же медленно погружалась на дно. Она закрыла глаза и попыталась уговорить себя вдохнуть воду и навсегда попрощаться с этим миром.

В этой холодной пустоте был свой покой. Гудящая тишина успокаивала, будто принимала Астрид со всеми ее пороками, будто снимала с плеч тяжкий груз вины.

Можно было остаться здесь: на дне.

Астрид медленно повернула голову влево, ее длинные волосы лениво колыхнулись вслед. Она открыла рот, чувствуя как на язык налипают горечь грязной озерной воды.

И Астрид сделала вдох.

Неистовая боль обожгла легкие, тело задержалось, совершенно не слушая голову. Не осталось ни единой мысли, в голове был лишь пульсирующий страх. Руки сами загребли воду, ступни оттолкнулись от дна. Астрид всплыла на поверхность и выкашляла мутную воду. Где-то под ребрами засела режущая боль.

Астрид ударила кулаком по воде – бесполезный, бессильный жест. Брызги разлетелись, осели обратно. Вода осталась такой же неподвижной, такой же равнодушной к чужому горю. Девушка побрела вперед, чувствуя как мокрая ткань неприятно липнет на кожу, покрывшуюся мурашками. Астрид опустилась на колени рядом с камнем, где обычно сидела Сана.

Слезы обожгли глаза, смешались с озерной водой на лице. Астрид зажмурилась, уткнулась лбом в камень. Холод въедался в кожу, но ей было все равно. Хотелось просто остаться здесь. Замерзнуть, утонуть, перестать чувствовать эту грызущую, выматывающую пустоту внутри. Но даже умереть нормально она не могла.

Рыдания рвали горло. Она понимала, что ей было невыносимо тошно нести это бремя существования. Она хотела закрыть глаза и не проснуться. Она бы не сопротивлялась, если бы попала в пасть к волку. Она бы не искала противоядие, если бы ненароком съела яд.

Она бы не пыталась спасти свою жизнь, но и закончить ее своими руками у нее не было сил.

Астрид разжала пальцы, оттолкнулась от камня. Поплыла к берегу медленно, через силу. Каждое движение давалось с трудом – тело налилось свинцовой тяжестью, мышцы отказывались слушаться. Она выбралась на берег, рухнула на траву. Лежала, тяжело дыша, чувствуя, как холодная вода стекает с одежды, впитывается в землю.

Небо над головой потемнело. Сумерки наступали быстро, крадучись, превращая лес в сплошную черную стену.

Астрид медленно села. Мокрые волосы липли к лицу, одежда тяжело обвисла на теле. Она посмотрела на озеро – темное, безмолвное, хранящее свои тайны. Ярость вспыхнула внутри так резко, что перехватило дыхание.

Она ведь хотела очертить своей смертью единственное место, где Сана была по-настоящему счастлива и свободна. Место, где она плела венки из клевера или вереска. Место, где она смеялась звонче всего.

Сана любила наклоняться ближе, чтобы рассматривать, как водоросли тянутся к свету. Она говорила, что они похожи на жителей другого мира, который начинается там, где заканчивается лес.

– Знаешь, они напоминают мне тех, кто стремится к истине, – сказала Сана в их последний раз здесь. – Они всегда тянутся к тому, чего не могут достать.

Теперь Астрид смотрела на водоросли с той же странной тоской. Они казались застывшими, но в их плавных движениях под водой было что-то упрямое, почти живое. Они не знали границ. Они тянулись туда, где, возможно, не было ничего.

– Может быть, мы такие же, – прошептала она тогда, глядя на отражение неба в воде. – Тянемся туда, где нет ответов.

Ветер поднялся, нарушив гладь воды, и отражение исчезло, а водоросли качнулись, будто соглашаясь с ее мыслями.

Последний раз, когда они были здесь вдвоем...

Она закрыла глаза, и воспоминания нахлынули, как волны на берег, но эти отголоски прошлого были куда более мрачными.

– Это было его предназначение, – вздохнула Астрид, когда Сана вновь сокрушалась о смерти кролика, пущенного на суп.

– Предназначение... Он был рожден, чтобы с него содрали шкуру, потом выпотрошили и сварили в воде... – тихо повторила она тогда, опуская ногу в воду. – А какое у тебя предназначение?

– Не знаю, – честно ответила она. – Когда что-то эдакое случится со мной, тогда и пойму.

– Случится? Тогда это не судьба, а случай.

– А в чем разница между судьбой и случаем?

Сана задумчиво подняла ноги из воды и подтянула колени к груди. Ее пальцы перебирали лепестки васильков, принесенных для очередного венка.

– Знаешь, перед тем, как папа забрал Флекке из клетки, его перестали кормить. Я собрала сено и его любимую брюкву, но мама запретила мне вынести ему... И тогда я поняла, что у него осталось мало времени. Это и была его судьба. Я пошла с ним попрощаться и увидела, что он тоже это понял. Он сидел в углу, трясся... Я просунула пальцы к нему в клетку, а он так особенному ластился, будто думал, что я смогу помочь ему... Будто надеялся, что я открою ему клетку и... – в голосе Саны звучали слезы.

Астрид замерла на миг, приподняла подол юбки и поспешила к сестре. Она взобралась на камень и села рядом, отодвинув венки из васильков.

– Ты чего... – прошептала она, погладив Сану по светлым волосам. – Ты знаешь, что иначе нельзя.

– Я должна была его отпустить... – задыхаясь, произнесла она, утирая слезы.

Астрид прижала сестру к груди.

– Поэтому боги всегда молчат, – прошептала она. – Теперь ты их понимаешь.

Сейчас Астрид знала, что Сана не поняла богов.

Она поняла кролика.

2. Люпины

От Хрустального озера до дома Астрид пришлось идти через всю деревню, потому что семья Таубе жила на самом отшибе, у восточной границы, за которой простирались пастбища да гнилые земли, где добывали торф. В лесу уже мелькали яркие языки пламени факелов жнецов, что защищали жителей от голодных зверей. Астрид поежилась, когда морозный океанский ветер лизнул кожу наждачной бумагой. Она ускорила шаг, петляя по широкой тропинке меж домов. Ей не хотелось выходить на главную дорогу, где ее – продрогшую и подавленную – мог увидеть любой.

Когда покосившийся деревянный домик с крышей, поросшей мхом, наконец показался из пролески, Астрид замерла. Потому что у порога стояла темная фигура с букетом белых цветов. Не нужно было подходить ближе, чтобы понять, что это были за цветы.

Люпины.

Цветы смерти.

Семья Таубе получила немало таких букетов за последнюю неделю. И каждый раз вид этого проклятого цветка вгонял Астрид в ярость, неизменно выливающуюся в слезы. И сейчас она решительно направилась к темной фигуре.

Однако все вышло вовсе не так, как представлялось Астрид. Темная фигура не возлагала цветы у порога, а забирала их. Девушка замерла, глядя на то, как кто-то бросает белоснежный букет в ворох подгнившей от осеннего холода листвы. Астрид замерла, будто не веря собственным глазам. Когда ступор спал, она перешла на бег. В босые ступни неприятно впивались мелкие камни, хвойные иголки и веточки, однако она продолжала бежать. По пути она бросила к входной двери свою сухую одежду, а затем свернула за угол. Темная фигура вздрогнула и обернулась на шум.

– Что ты делаешь? – резко спросила Астрид, стараясь побороть одышку.

После случая на озере ее не покидала резь под ребрами, а пробежка лишь усугубила ситуацию.

– Ничего, – прозвучал странно знакомый женский голос.

Она шагнула вперед из тени мощных крон деревьев. Легкий лунный свет пролился на изможденное лицо, покрытое первыми трещинками-морщинами. Астрид узнала ее – невзрачная русоволосая соседка, передававшая добротное жирное молоко в их дом, пасла овец и коров на опушке. Она была дружна с Саной, часто звала ее с собой. Но после исчезновения ни разу не соизволила выразить соболезнования. Впрочем, как и все остальные.

– Ты их принесла? – коротко спросила Астрид.

– Нет, – секунду помолчав, ответила Элен.

Она уже собиралась уходить, запахнула накидку поплотнее и развернулась в сторону своего дома, и тогда Астрид сделала то, что ожидала от себя меньше всего – бросилась за ней и схватила соседку за запястье.

– Что ты делала у порога моего дома? – требовательно спросила Астрид.

Усталость от прошедшего дня навалилась с невероятной силой, а иступленное горе переросло в злость, что лилась через края на все вокруг.

– Пришла почтить память. Сделать то же, что и все, – невинно произнесла она, высвобождая руку.

Астрид просеменила несколько шагов за ней, чувствуя как немеют кончики пальцев.

– Выкинув букет?

– Да. Она бы этого хотела.

Эллен направилась к дому, но Астрид пробежала вперед и встала у нее на пути. Ее трясло, а они никак не могла понять, от холода это или от ярости.

– Нет... Ты...

Дрожали губы, зубы стучали и слова давались с трудом. Эллен наконец подняла голову, взглянула на девушку, а затем дотронулась рукой до ее холодной кожи. Украдкой оглянувшись через плечо, она всмотрелась в тьму лесной чащи. В воцарившейся тишине особенно отчетливо прозвучало уханье филина.

– Ты вся мокрая, трясешься. Нехорошо здесь разговаривать. Зайди ко мне в дом, там и спросишь, что хочешь.

Дом Эллен встретил их скрипом двери и слабым свечным светом. Обстановка была простой: деревянный стол с потертыми краями, пара скамей, пыльный сундук и очаг, в котором догорали угли. Запах пыли и трав заполнил пространство, а тени плясали на стенах от пламени свечей.

– Почему ты...

– Отогрейся сначала, – перебила ее Эллен.

Астрид невольно прошла ближе к очагу, чувствуя тепло. Удивительно, но лишь увидев огонь она поняла, как замерзла за это время. Ее не волновало, что на ноги налипла грязь и сосновые иглы, не волновал косой взгляд соседки. Астрид хотела лишь согреться. Эллен тем временем разместила почерневший котелок прямо над разгорающимися углями.

– И чего ты вся мокрая после заката по деревне шляешься?

– А ты почему цветы с порога выкинула? – в ответ спросила она.

Эллен тяжело вздохнула и начала рыться в кухонной утвари. Наконец она выудила пару деревянных кружек. Обмотала руку ветошью и сняла котелок, в котором бурлила вода. Пока Эллен разливала воду по кружкам, Астрид села на пол поближе к огню.

– Сана не хотела бы цветов, – тихо сказала она. – Пока она еще жива.

Астрид остолбенела и медленно повернулась к ней.

– Ты считаешь...

– Да. Я точно знаю, что она жива, – произнесла Эллен, добавляя сушеные травы в чашки.

– На, – она сунула одну из них Астрид.

– Что ты туда кинула?

– Вороний глаз, – не моргнув и глазом произнесла соседка.

Астрид тихо фыркнула и покачала головой, однако глоток сделать не решилась. Живот все еще сводило от крови, выпитой на ритуале.

– Да успокойся ты! Там Melissa, кипрей да пара других трав, чтобы успокоить твои нервы.

Астрид недоверчиво прищурилась, сильнее обхватила кружку руками, чтобы тепло просочилось к коже, и решила сперва понюхать отвар. В нос ударил густой смолистый запах, который сложно было назвать приятным. Девушка сделала маленький глоток, перекатила напиток на языке. Вкус был терпко-медовый.

– Вкусно, – нехотя прошептала она.

– Ну-ну... А вы действительно похожи... Не только внешне... – произнесла Эллен, всматриваясь в лицо гостя. – Я раньше вас не различала. Обе светленькие, голубоглазки... А близко мне подходить не разрешали.

– Почему?

– Мать ваша меня не особо любит. Впрочем, как и все в деревне.

– Но Сана к тебе ходила, – осторожно произнесла Астрид.

– Ходила. И поплатилась за это.

Эллен поднялась и прошла к окну, долго вглядывалась в темноту, будто искала того, кто мог подслушивать разговор.

– А...

– Тихо! – резко сказала она.

Невольно Астрид действительно прикрыла рот, усиленно вслушиваясь в гудящую тишину. Послышался вой волков, гул ветра... Ничего необычного. Эллен же резко развернулась, открыла сундук и вытащила оттуда небольшой кувшин и всучила его в руки гостьи.

– На. Тебе нельзя оставаться здесь дольше. Возьми это – пусть думают, что ты зашла к соседке за молоком.

Она почти силой подняла Астрид с пола и начала толкать к двери.

– Но я...

– Если захочешь узнать больше – приходи на пастбище днем. Там безопаснее, – еле слышно произнесла она и открыла дверь.

3. Овцы

У входа в дом пахло бузиной настойкой. Как всегда.

Наскоро Астрид накинула на себя выброшенную одежду, чтобы родители не задавали лишних вопросов.

Дверная щеколда всегда закрывалась предательски громко.

Звук отразился от стен, вибрировал в застывшем от страха теле Астрид. Ноздри обжигал горьковатый запах спирта, перемешавшийся с ароматом тушеного мяса. Это сочетание было слишком хорошо знакомо. В доме Таубе никогда не было недостатка в еде: отец, разделывавший туши, приносил к столу самые лучшие и вырезки, однако нередко по пути он сворачивал к бортнику и менял почечный жир на настойки или медовуху. В вечера, когда запасы открывались, лучше было не высовываться.

Астрид поставила на пол кувшин и выглянула из коридора: отец лежал на столе, рядом с ним стоял глиняный кувшин. Мама Астрид, Тизо, подняла потускневшие глаза и еле заметно махнула головой в сторону спальни. Девушка благодарна кивнула и на цыпочках, стараясь обойти скрипучие доски, направилась к постели.

Но удача была не на ее стороне.

– Сана? – прохрипел отец, резко поднимаясь на ноги.

Голос отца – хриплый, надломленный – ударил ее в спину. Астрид обернулась. Он поднимался, шатаясь, опрокинул скамью. Огромное тело занесло в сторону – плечом он врезался в полку, глазурованные горшки загремели, один упал и раскололся.

– Сана! – отец шагнул вперед, широко раскрыв глаза. В них плескалась такая надежда, такое облегчение, что в горле у Астрид встал ком. – Вернулась... Наконец вернулась... – он икнул.

Мать вскочила, попыталась удержать его за руку.

– Это не она! – резко сказала Тизо. – Это Астрид!

Но отец не слышал. Он смотрел на дочь так, будто видел призрак. Будто она и правда была Саной, вернувшейся из тумана.

Сердце Астрид сжалось, кровь отхлынула от лица. Слезы обожгли глаза. Она хотела что-то сказать – но голос не слушался. Только стояла, прижавшись к стене, пока отец смотрел на нее мутным пьяным взглядом и улыбался. Улыбался впервые за неделю. Мать силой усадила его обратно на скамью. Он не сопротивлялся – обмяк, мигом из него высосали все силы.

– Иди, чего встала! – громко скомандовала мать, держа отца.

Астрид повиновалась – она проскользнула мимо и плотно закрыла дверь, подоткнув щель ветошью, чтобы никто ненароком не вошел в комнату среди ночи. Она тяжело дышала, стараясь вновь не сорваться на слезы. Грудь и живот разрывались от боли, будто кто-то раскаленным ножом потрошил ее на живую. Астрид обхватила себя руками и медленно съехала на пол. От усталости кружилась голова, и она получила то, что желала больше всего на свете.

Небытие.

Беспокойное блеяние овец разносилось по пастбищу. Животные держались вместе, мелкими кучками, словно на подкорке знали: остаться в одиночку нельзя. Странное чувство тревоги, записанное в генах, передающееся от родителей к детям через поколения.

Быть может, люди не так уж сильно отличались от овец?

Вдали, у старого дуба, Астрид заметила фигуру Эллен. Женщина сидела на корточках, сосредоточенно привязывая хромую овцу к колышку. Однако стоило подойти ближе, как стало ясно, что ночью произошло нечто страшное.

В траве, покрытое рассветной росой, лежал кусок мяса. Кость, пробивавшаяся сквозь окровавленные волокна, явно принадлежала какому-то крупному животному.

Астрид подняла взгляд на овцу, нервно мечущуюся у колышка, и заметила на ее задней ноге, совсем над копытом, порез. Она была ранена. Но нога была в общем-то цела.

Взгляд устремился дальше, прямо к развороченному телу овцы.

– Волки задрали ночью, – наконец произнесла Эллен, поднимаясь на ноги. – Совсем озверели в последнее время.

– Всего одну овцу? – нахмурилась Астрид.

– Да... Видимо, отбилась от стада на вчерашнем выгуле и не дошла до стойла.

Астрид невольно взглянула на вторую овцу, явно пострадавшую накануне. Эллен проследила за ее взглядом и махнула рукой.

– Вечно они парой ходили. Видать пока эту ели, она спаслась, – произнесла она с долей грусти.

Овца неотрывно глядела на останки. Она беспокойно топталась на месте и пыталась отойти подальше.

– Они чувят страх, – объяснила Эллен. – Он их отравляет. Если не убрать этот беспорядок, они все шеи себе свернут да ноги переломают.

Нехотя Астрид направилась к телу овцы. Ей было не впервой видеть забитое животное. Отец раньше часто приводил их с Саной к себе в лавку, когда жнецы приносили свежий улов. Если крупную дичь они притаскивали уже мертвой, то мелкие зайцы, куницы и белки часто приносили еще живыми. Тогда отец заставлял дочерей играть с ними, успокаивать, чтобы они не мешали криком и не отвлекали попытками бегства. Так продолжалось недолго. В какой-то момент Сана не выдержала, разразилась в истерике и поклялась никогда не ступить за порог мясницкой лавки и не класть в рот мяса.

Несмотря на эту привычность, видеть овцу, задранную волками, было страшно.

Наверное, потому что эти же волки продолжали бродить по лесу.

На распахнутой грудной клетке остались рваные отметины – будто кто-то пытался выдрать кусок вместе с шерстью, а хребет был перетерт – тушу вдавливали в грязь когтями. На широкой ране уже шевелилась блестящая зеленая россыпь: личинки только коснулись света и тут же спрятались обратно.

– Жнецы считают, что Сану задрали звери, – медленно произнесла Эллен.

– Жрецы говорят, что ее забрали боги, – тихо ответила девушка, прикрывая нос.

– Жрецы... – фыркнула она, наклоняясь ближе к тушке. – Нельзя есть, слишком сильно подрали. Поможешь оттащить?

– Куда? – растерянно спросила Астрид.

– В Падальник, – махнула рукой Эллен. – Там за холмом, пройти немного на север, к горам, будет ущелье.

В Падальник идти совсем не хотелось. Астрид не раз довелось слышать об этом ужасном месте от отца. Туда сбрасывали тела животных и тех покойников, кого не принимала земля. Нередко туда отправлялись и живые. Те, кто мешал деревне или подвергал ее опасности.

– Я вообще-то пришла спросить...

– Хватайся за ноги, – быстро перебила ее женщина.

Посреди подъема на холм из овцы начали выпадать внутренности или ошметки мяса – разобрать было достаточно трудно.

Спустя полчаса в небе закружили вороны, а на запах мяса начали слетаться толстобрюхие зеленые мухи. Астрид пыталась отмахиваться от них рывками головы, но заработала лишь головокружение.

– Сюда, – наконец произнесла Эллен, сворачивая на север, к горным хребтам.

Ущелье разверзло голодную пасть, усеянную пиками-клыками. Оно проглотило тушу овцы, что с гулким эхом полетела вниз с обрыва. Астрид встревоженно осмотрелась по сторонам. Место сложно было назвать приятным. На уступах скалы сидели черные птицы, падальщики только и ждали, пока люди уйдут, чтобы наброситься на свежее лакомство. В самом ущелье виднелись останки. Их было не так много, ведь большую часть успели растащить звери, но достаточно, чтобы понять, что Падальником пользуются не первое десятилетие.

– Вот и все, – прошептала Эллен.

Она обернулась на спутницу и, видимо, оценила ее выражение лица.

– А что, тебя папа сюда не водил?

– Нет...

Астрид стояла на краю и смотрела вниз. Она не знала, хотела ли она прыгнуть и отрастить крылья или просто прыгнуть. Эллен зацепилась за ее рукав и оттащила обратно.

– Осторожно, ты такая тощая, что любой порыв ветра тебя унесет, – пробормотала она.

– О матери хотя бы подумай.

– А Сана тут была? – внезапно спросила Астрид.

Она повернулась и прищурилась, ожидая ответ.

– Была однажды, – задумавшись, ответила Эллен. – Ей тут не нравилось. Она как увидела, что я больного ягненка туда согнала, так в истерике билась до заката... Нет, ей тут не нравилось. Она больше любила нянчиться... Весной вот у меня столько овец окатилось, что я бы сама и не справилась. Она ловко училась, а животные ее и любили.

– Похоже на нее, – пробормотала Астрид. – Нужно рассказать жрецам, чтобы они... – она вяло махнула рукой в сторону ущелья.

– Никаких жрецов, – резко сказала Эллен и направилась к лесу.

– Почему?

– Жрецы ничем не помогут.

Астрид остолбенела. Впервые она слышала, как кто-то произносил нечто подобное вслух, причем так безбожно невинно и смело.

– Да-да, – продолжила Эллен. – Разве не поэтому Сана ссорилась с Тизо?

– Я не знала, что они ссорились по этому поводу, – пробормотала девушка.

– Твоей маме не нравилось, что Сана проводит слишком много времени с проклятой отшельницей, – женщина почти выплюнула эти слова.

Ответа на это не последовало, однако он будто и не требовался.

– Мы с Тизо раньше дружили... Боги, я ведь помню ее совсем юной... До того, как она встретила пьянчужку-отца. Уж прости. Как есть. Мы тогда общались вчетвером, твои родители и мы с... Фриггом.

– Фриггом?

– Это... Мой муж.

– У вас есть муж?

– Был. Пропал также, как твоя сестра, – вязко произнесла Эллен. – Мы ждали ребенка. Он уже настругал кроватку и стульчик, я была на сносях. И в одно утро пропал. Я глаза открываю, кровать пуста. И все.

Астрид молча сжала ладони в кулаки.

– Значит, это не впервые? – спросила она.

– О, дорогая моя, нет. Не впервые. И что Фригг, что Сана перед исчезновением были одинаковые. Это я сейчас поняла...

– Какие?

– Вопросы задавали. Что за пределами деревни? Как там? Откуда приходят новые люди в деревню? Ответов ведь на это ни у кого нет...

– И впрямь... Я помню, как прямо перед исчезновением... Она говорила об этом... И... – слова застряли в горле. – Мне кажется, что она прощалась, а я не поняла этого... Будто она знала, что с ней что-то случится или...

– Тш-ш... – отстраненно произнесла Эллен. – Не вини себя, – она положила руку на плечо своей спутницы. – Если она прощалась с тобой, значит ушла сама, так?

– Наверное...

– Точно тебе говорю. Я знаю, что она ушла сама, потому что не доверяла жрецам.

– Что?

– Я сама задаюсь этим вопросом... И, знаешь что... Мне кажется, жрецы должны знать, куда пропадают все эти люди. У них должны быть ответы.

Астрид склонила голову набок.

– Если ты хочешь, чтобы мы нашли твою сестру, нам нужно действовать... Сообщи. Я могу выведать что-то у жителей... Может кто видел ее или знает что...

– А я?

– А ты можешь... узнать у жрецов?

– Что это значит?

– Ты из богоугодной семьи. Приближается Калиморн. Предложи свою помощь.

– Я... Подумаю...

– Подумай. А пока идем, а то все овцы разбредутся.

Эллен направилась к лесу, однако Астрид не шелухнулась.

– Эллен! – позвала она.

– Что? – женщина остановилась и обернулась.

– Ты сказала, что у вас с Фриггом был ребенок... Где он?

После секундной заминки Эллен указала на Падальник.

– Там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.